

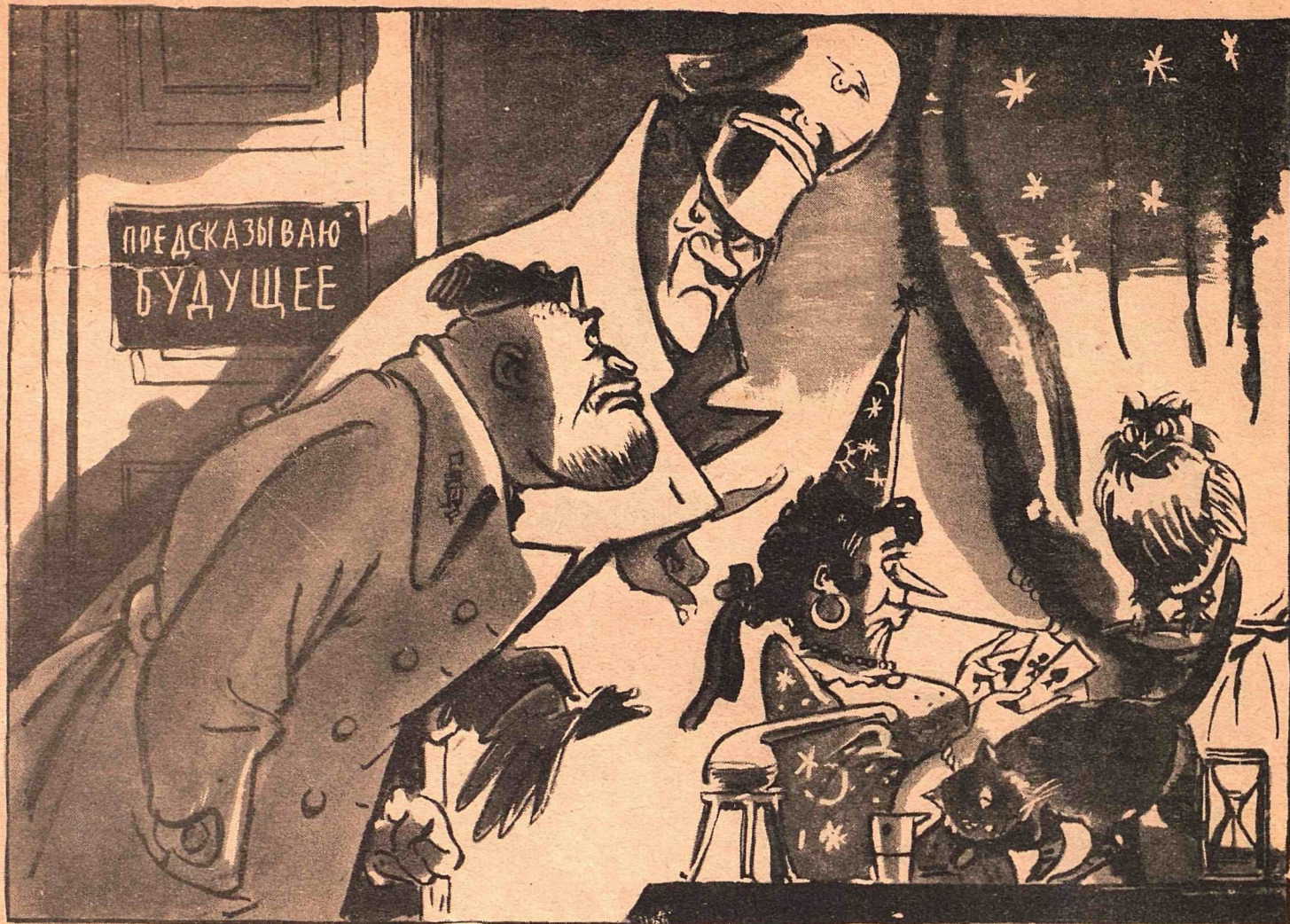
3-129/43

К Р О К О Д И Л

ДИСТАНЦИЯ ОГРОМНОГО РАЗМЕРА

— Когда-то я был безлошадным, а теперь вот даже самолёт покупаю.

-- Она предсказывает будущее? Арестовать за пессимизм!

Тяжелое положение

Я САМ, товарищи, старший сержант, сапёр. Имею орден Красного знамени; а за что,— разрешите сказать потом.

Видите ли, после ранения (в правую руку) получил я отпуск. Конечно, поехал к семье, в глубокий тыл.

И вот, понимаете, приходит ко мне домой молодая, симпатичная женщина и говорит:

— Вы знаете моего мужа Николая Степаненко? Он тоже на вашем фронте и тоже сапёр.

— Ну, повезло вам, гражданка Степаненко,— отвечаю,— я с вашим мужем в одной роте служу.

— Нет, правда? Ну как он там?..

А этот Степаненко — первый во всей роте людьяр и не очень храбрый парень. А я вижу: смотрит на меня женщина с надеждой. Крикнул я и начал.

— Ваш муж,— говорю,— работает исправно, храбрый...

— Вот хорошо-то!.. Может, его уже за храбрость наградили?

— Д-д-да,— говорю,— и-и-наградили!..

— Но за что же, за что?

Что ей сказать? Почесал я затылок и пошёл рассказывать, за что наградили меня самого:

— Раз получает ваш муж задание разминировать триста метров между нашими окопами и немцами. Встал он, значит, пораньше и пошёл. Почти полностью управился. Но всё-таки метров пятьдесят не разрыжено ещё. А уже рассвело. Немцы проснулись. Я думаю: что мне делать?

— Это вы думаете? Вы за мужем, значит, следили?

— А? Да, да... Он, значит, работает, а я тревожусь. Хорошо. Вот он и думает, как их провести, и придумал.

— Сам придумал?

— Конечно, сам. Кто же за меня... то есть за него... Он, значит, развёл костёр...

— Откуда у него спички? Он же некурящий.

— На фронте стал курить. Да, значит, кинул я... он! Он кинул патронташ в огонь. А в костре патроны рвутся, немцы считают: это стреляют наши бойцы, дают огонь туда... А мне этого и нужно!

— Вам или мужу?

— Обоим.

А жена Степаненко мне говорит:

— Здесь живут родители моего мужа. Очень прошу вас: навестите стариков.

Пришлось навестить стариков. Рассказываю им всё с начала. И вдруг отец Степаненко спрашивает меня:

— А вас лично за что наградили?

— Так меня же за это самое...

И я быстро принимаю решение приписать себе подвиг нашего бойца Гангина:

— Я, видите ли, руководил построшкой дзота. И вдруг нападают на наших бойцов фрицы. Он, конечно, не растерялся...

— Кто «он»?

— Он — это я.

Жена Степаненко говорит:

— Страшная у вас манера: про мужа моего вы говорите «я», а про себя говорите «он»... Пугаете, одним словом, местоимения.

— Да, знаете,— говорю,— на фронте у нас всё общее, даже местожительства.

На другое утро приходит опять жена Степаненко и приносит посылку для мужа.

Приехал я к себе в роту. Степаненке вручил посылочку, письмо. В посылке трубка, зажигалка, табак.

— Что такое? — говорит.— Жена ведь знает, что я не курю.

— А я ей сказал, что куришь.

— Это зачем?

— А затем... Читай письмо!

Прочитал он письмо и прямо с испугом говорит:

— Товарищ старший сержант, что ок вы про меня сказали?

— А что мне было говорить? Неужели срамить всю нашу часть?

— Ну, спасибо вам! Только вот жена меня поздравляет с наградой...

— Хочешь, я ей напишу, что награды не было?

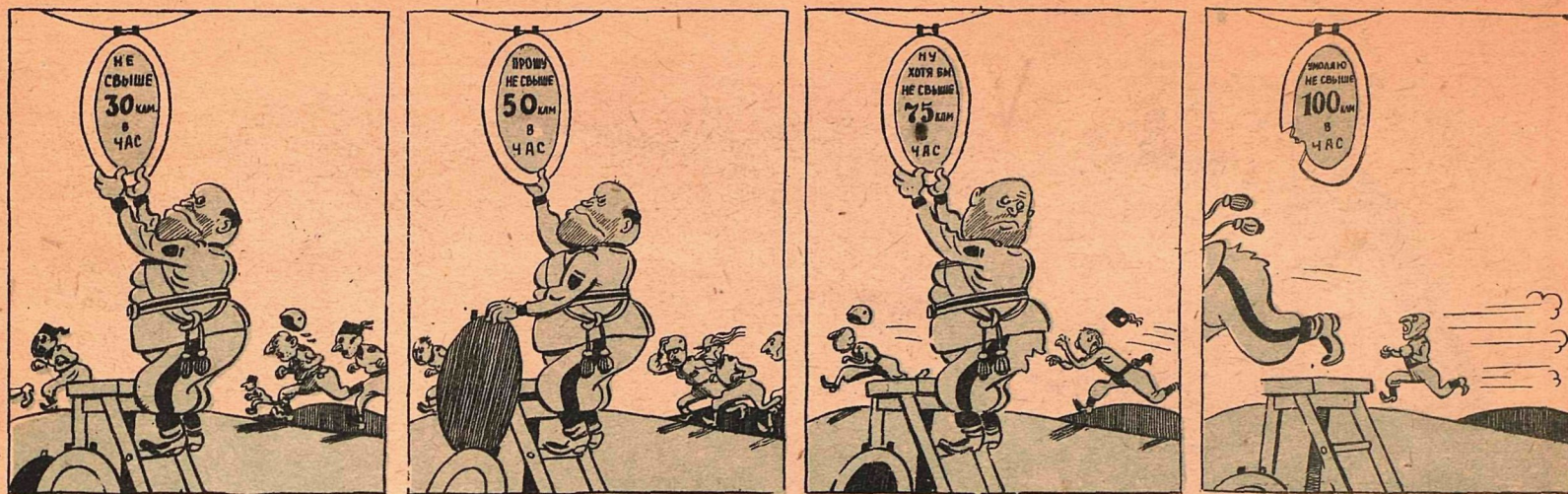
— Что вы! Как можно?

— Ну ладно у тебя есть один путь: заслужить награду на самом деле.

С тех пор Степаненко не узнает: и работать стал исправно и не трусит. Награды он ещё не заслужил, но кто его знает? Может, и дождётся Степаненко своей награды.

Действующая армия.

В. АРДОВ

Регулирование движения в Африке.

Меню

КАК мы узнали из достоверных источников, Гитлер — большой любитель хорошо покушать. Каждый вечер он сам заказывает на завтра меню своему обер-шеф-повару. Но в последнее время Гитлер стал очень привередлив. До нас дошла одна из его последних бесед на эту тему. Вот она:

Гитлер: — Что же мы завтра будем готовить, герр повар?

Повар: — Холодная закуска: норвежская сельдьочка а ля Квислинг.

Гитлер: — Не надо. Норвежские сельди отдают сильным оппозиционным духом. Даже приправы Квислинга не могут его заглушить.

Повар: — Тогда — русская икра по-сталинградски.

Гитлер: — Что?! Болван! Чтоб я больше этого не слышал!

Повар: — Слушаю. Можно бутерброды с голландским сыром.

Гитлер: — С голландским не надо. Мне никак не удаётся выжать из него слезу. Дальше что?

Повар: — Дальше — какое-нибудь рыбное. Например судак по-польски.

Гитлер: — Нет, эта рыба плохо переваривается. Не надо рыбы.

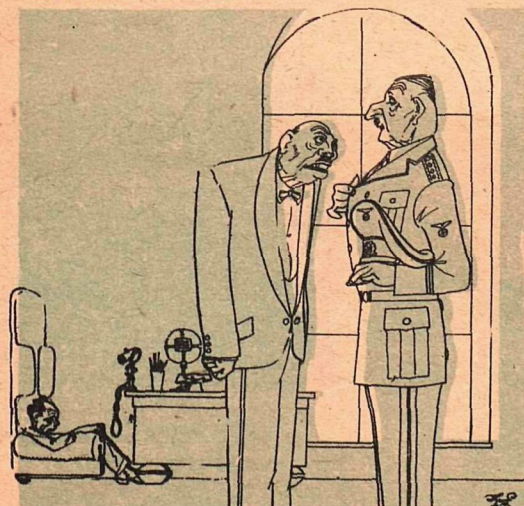
Повар: — Тогда позвольте предложить горячее. Французский суп с овощами а ля Петэн—Лаваль.

Гитлер: — На эти овощи сезон, кажется, кончается. Нельзя ли что-нибудь не такое пресное?

Повар: — Есть борщ флотский по-тулонски.

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

Рис. К. Елисеева

— Доктор Гейббельс плохо себя чувствует: ему сегодня не вретса.

Гитлер: — Вы с ума сошли!..

Повар: — Виноват, герр фюрер... Тогда придётся без жидкого. Предлагаю мясное. Шницель по-венски.

Гитлер: — Этот шницель у меня давно поперёк горла стоит.

Повар: — Тогда туляш по-венгерски.

Гитлер: — С венгерскими блюдами лучше не связываться: туда обязательно намешаете мне чего-нибудь румынского или словацкого — никак не расхлабаешь.

Повар: — Быть может, макароны по-итальянски?

Гитлер: — Да ну их! От них очень богат начинаешь. Неужели у вас больше ничего нет?

Повар: — Вот разве гутку по-гейбельсовски.

Гитлер: — Это вы мне осмеливаетесь предлагать? Мне? Вон отсюда, негодяй!..

ОЛЬСЕН

«Так пожелал бог»

Некий фриц, звериное сердце которого продрывила русская пуля, чуя свою неминуемую гибель, заранее написал своей любимой письмо. Над адресом: «Дрезден, Плаництрассе, 25» — немец приписал: «Прошу отправить после моей смерти».

Немец хитро придумал. Он решил черкнуть своей дрезденской душке с того света: «Не грусти. Так пожелал бог. Наблюдай по вечерам небосвод и звёзды. Там наверху, в далёкой бесконечной дали, жду я тебя. Там мы опять увидимся и будем навсегда неразлучно вместе...»

Прямо скажем — письмо бодрое. Фриц убрался на небо и ждёт там встречи со своей фрейлен.

«Так пожелал бог».

Ал. ПОПОВ

Действующая армия.

В МИЛАНЕ

Рис. Л. Бродаты

Саранча летела, летела — и села

На одном из участков под Сталинградом немцы попытались высадить парашютный десант. Опнём нашей зенитной батареи фашистские бандиты были ещё в воздухе разнесены в клочья.

К нам в тылы послать десанты
Немцы захотели.
Сели в «юнкерс» диверсанты,
Шу — и полетели!

Вот юни у Сталинграда
В синем небе вьются.
Говорит им: «Прыгать надо» —
Лейтенант фон Лютце.

Что тут скажешь! В полминуты
Прыгнули шпионы,
И раскрылись парашюты
Точно шампиньоны.

Но, по счастью, этих птичек
Вовремя заметил
Командир, лихой зенитчик,
И достойно встретил.

Вниз глядели вы не долго,
Немцы, в небе рея:
Расстреляла вас над Волгой
Наша батарея.

И пришлось вам приземлиться
Только после смерти!
В землю, в русскую землю,
Ляжете вы, черти!

— Из-за частых воздушных налётов нам приходится теперь возвращаться в высшем ивете в абсолютной темноте.

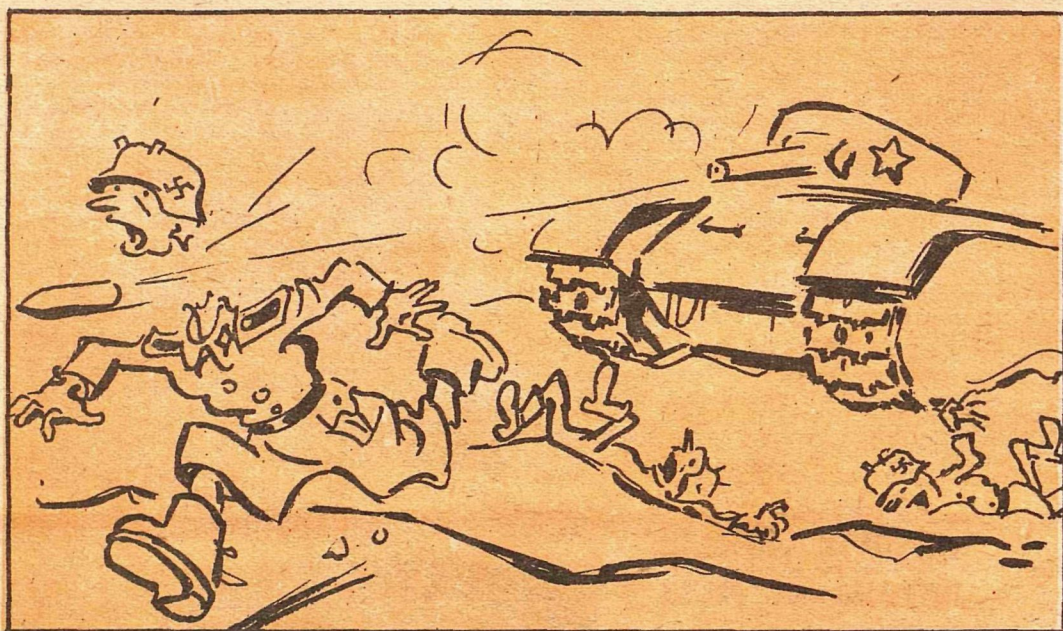
С. МАРШАК

ЖЁСТКИЙ ХАРАКТЕР

Рис. А. Баженова

— Вообще я человек не скупой, но за свои деньги...

...голову оторву!

Капут!

Танковая колонна тамбовских колхозников уже громит немцев. Колхозники Тамбовщины к XXV годовщине Красной Армии дадут фронту 25 эскадрилий самолётов.

Готовы жаркие припарки
Лихим коричневым клопам:
Уже колхозные подарки
Пошли по вражьи черепам!
Ну, Гитлер, где твои прогнозы
О том, что в дни войны колхозы
С пути колхозного свернут?

Ошибся ты, кровавый шут!
Дрожи! Капнут тебе, капут!
Кто счастье полное изведал
Колхозных радостных трудов,
Тот для разгрома людоедов
И кровь и жизнь отдать готов!
Тамбовцы, не щадя усилий,
Готовят стаи эскадрилий!
Фронтовики вперёд пойдут,
Порвут петлю немецких пут —
Капнут вам, фрицы, всем капут!

Алексей РЕЗАПКИН

Действующая армия.

Зачёт

КОГДА на курсах снайперов окончилась занятая, надо было сдавать зачёт.

— Хватит, подорвали мишени! — сказал наш командир, техник-лейтенант Генералов. — Пусть каждый предъявит мне настоящего фрица!

И мы отправились на передовую. В дощанике у немцев стояла баня. С горы к ней вела траншейка, а перед самой избушкой вход был открыт. На него-то я и нацелился.

На рассвете над баней поднялся дымок. Фрицы решили ночь не поспать, а помыться... «Ладно, — думаю, — ещё лучше: подспрелю мистеньких».

Стал стеречь. Скоро там, наверно, поддали крутого пару — один немец прямо в рубашке выскочил наружу и присел на пенёк. Я под-

вёл прицел и, не торопясь, как учили, застав дыхание, плавно нажал на крючок. Мой «зачётный» фриц ткнулся в колени носом и стал медленно сползать с пенёка.

Из бани выбежал другой немец и стал тор-мошить губитого.

«Вот хорошо, — думаю, — теперь у меня при-манка есть!» Прицелился — и второй упал ря-дышком.

Весь день до заката я просидел в кустах: всё ждал, что на такую богатую наживу клю-нет ещё хоть один фриц... Нет, в бане, види-мо, ничего не осталось.

Зачёт был сдан.

В. КУЗНЕЦОВ,
младший сержант

Действующая армия.

РОДИТЕЛЬСКА

Когда Васютка был маленьким.

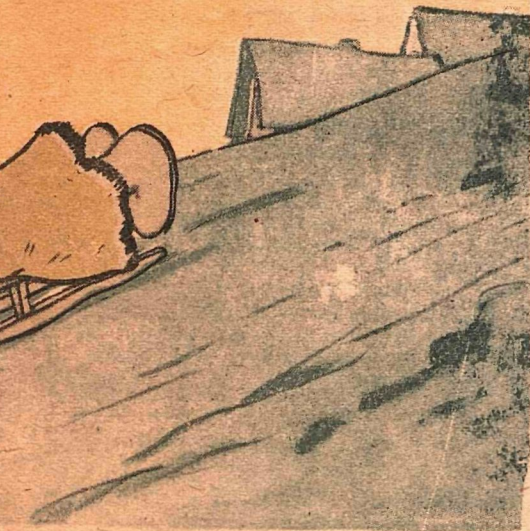
Когда он пошёл в школу.

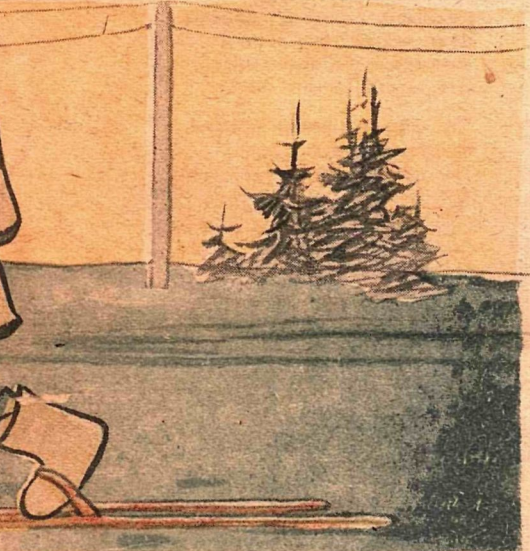
Когда же пришло время отпра-вить его в школу.

АЯ ЗАБОТА

Рис. К. Елисева

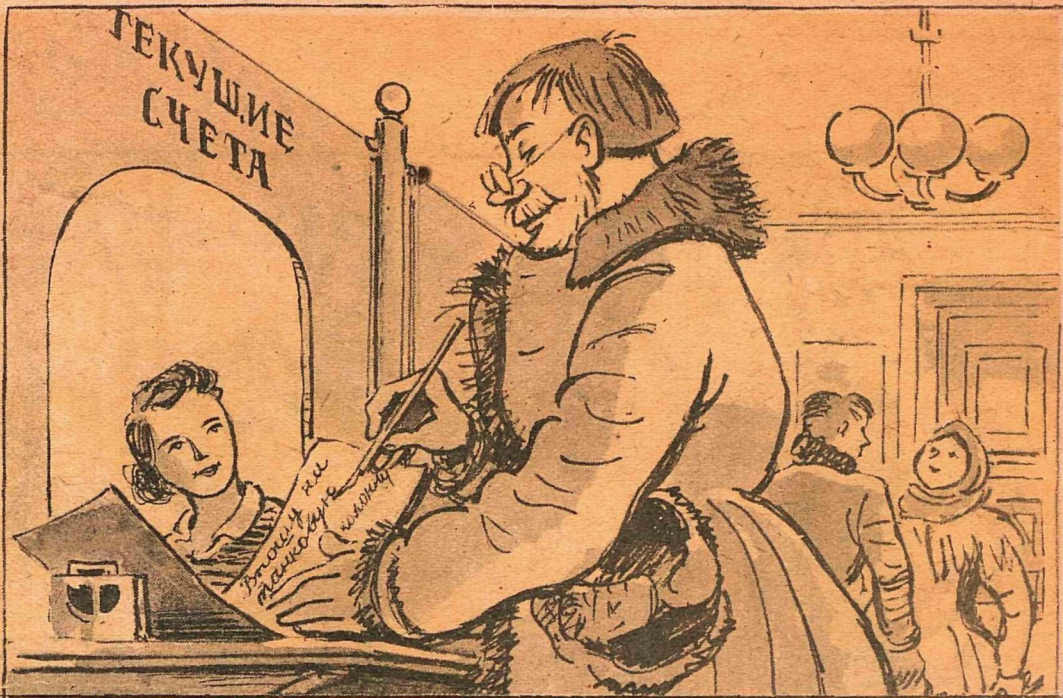
отец исправил ему салазки.

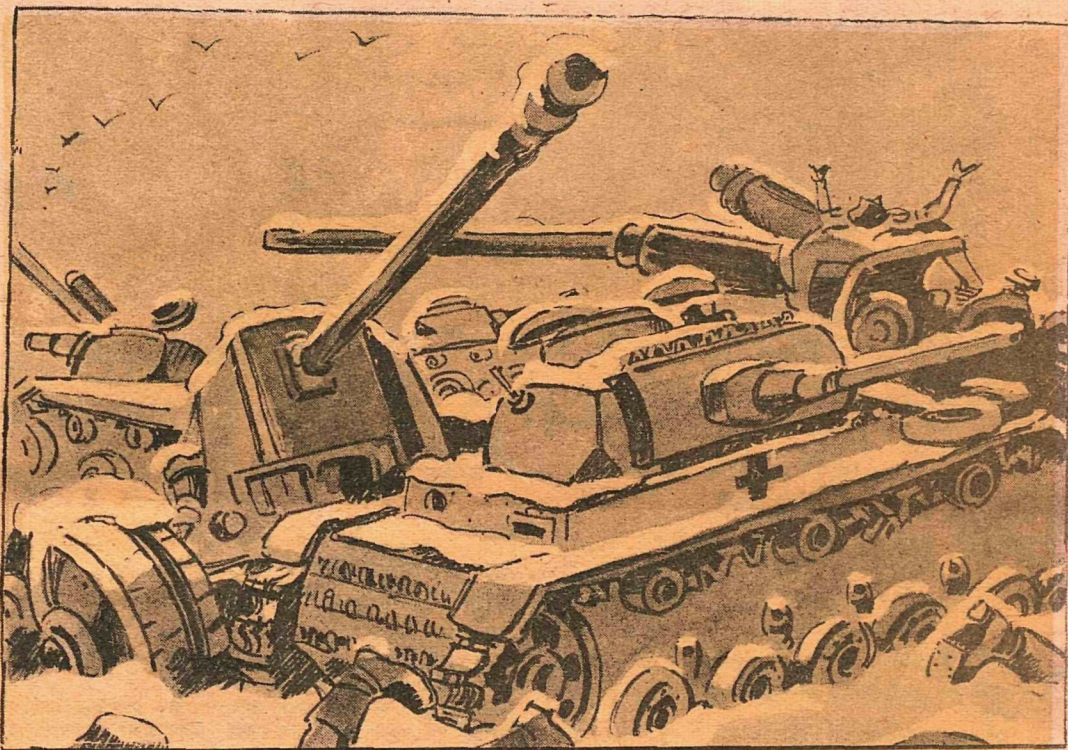
отец исправил ему, львни.

ить Васю в армию, родители спра-

Сбережения колхозников.

Расход фрицев.

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

РАЗГОВОР ДВУХ ФРИЦЕВ

— Наш полковник фон Грох от огорчений под Ржевом так похудел, что у него остались кожа да кости.

— А от нашего полковника под Великими Луками даже костей не осталось!

(«На страже родины»)

ПО РЕЦЕПТУ ГЕББЕЛЬСА

— Осмелюсь доложить, господин обер-лейтенант, неприятная сводка: три тысячи убитых, две тысячи пятьсот попали в плен...

— Ах, наивный человек! Дело мастера боится. Пишите, как учит Геббельс: «Три тысячи прочно закрепились на занимаемых рубежах, две тысячи пятьсот пересекли советскую линию фронта и успешно движутся на восток, не встречая сопротивления советских войск».

(«Советский воин»)

ПЛАЧ МУССОЛИНИ

До Египта, до Марокко ли!..
Я когда-то был счастливее...
Англичане флот раскокали,
Гонят вновь меня из Ливии...

Потерял в игре все козыри...
Как верну свои потери я?
В средиземноморском «озере»
Тонет Римская империя!

(«Боевая тревога»)

ОШАРАШЕННЫЙ ГЕНЕРАЛ

Когда генерал фон Драшке смывался от наступающей Красной Армии, его ошарашило осколком снаряда, и старик здорово оглох. Скорее глухого генерала вызвал «фиорер»:

— Ну, хвалитесь, какое у вас на фронте положение.

— Так точно, поражение.

— Почему же не воспользовались запасными рубежами?

— Все, все бежали.

— А вот эсэсовцы останутся!

— Так точно, и они сдаются.

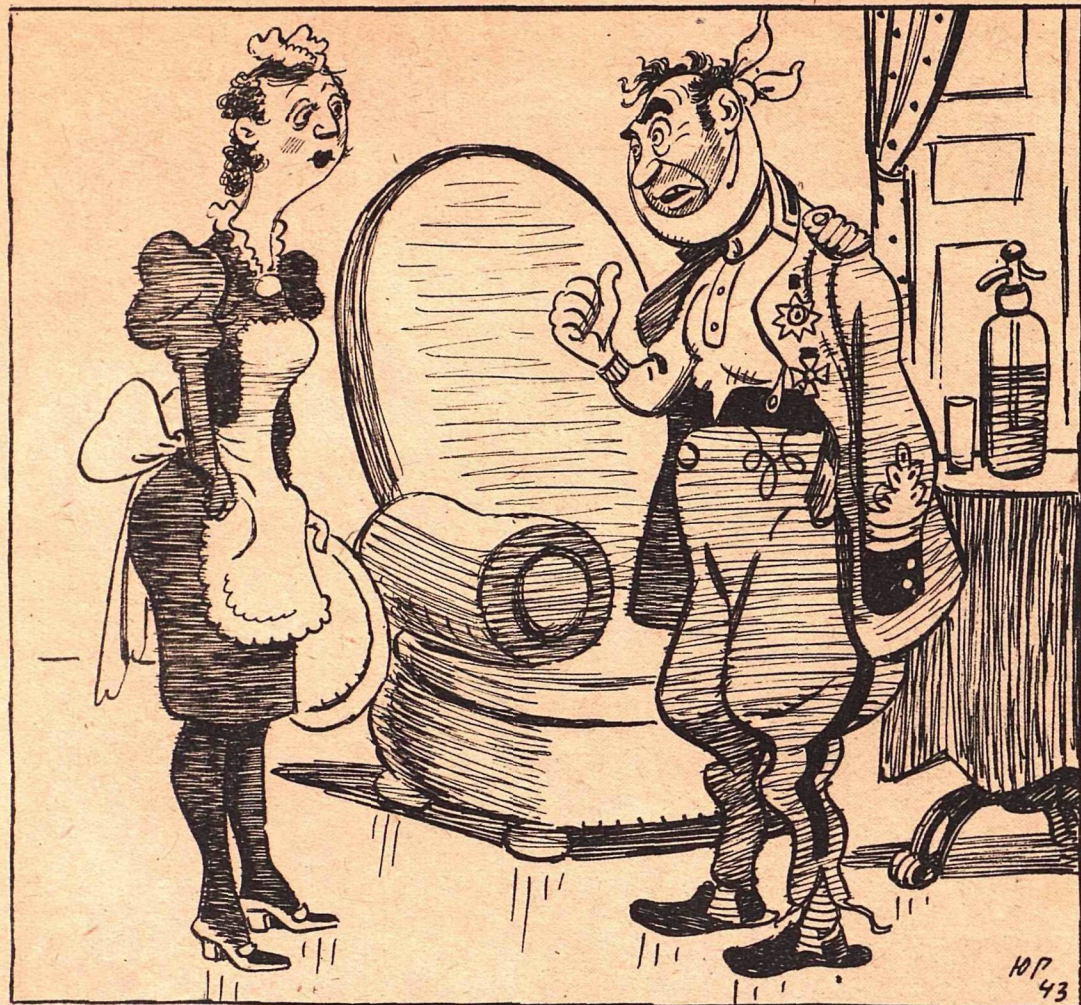
— Что ты тут мне мелешь, глухая тетеря?

— Да, да — ужасные потери!

— Это тебе не пройдет даром!

— Так и знал, что кончится ударом.

(«Советский гвардеец»)

АНТОНЕСКУ: — Если ко мне придут от фюрера, скажите, что меня и моих дивизий нет дома.

Случай с летчиком

Может всякое случиться
В изшей жизни фронтовой.
С летчиком Перепелицей
Случай выдался такой:

Поднялась стальная «чайка»,
На по-птичье трубя.
«Ну-ка, чайка, налетай-ка!» —
Как поёт про тебя.

В красных вспышках весь
посёлок:
Разрывными немцы бьют.
Попадает в бак осколок —
Язычки к мотору льнут.

Но летит Перепелица,
Продолжая трудный путь:
Надо как-нибудь спуститься
И до наших дотянуть.

Он сажает «чайку» в поле,
От окопов в стороне,
Как учили в лётной школе, —
На три точки на стерне.

Только тут не до ремонта.
Как с машиной? Хоть бросай,
Если рядом прохот фронта,
В двух шагах передний край.

Побежал пилот в селенье,
Взял волос без лишних слов;
Малышам на удивленье,
В самолёт запряг волос.

Он одной рукою правил
И рулил рукою другой,
Но не бросил, не оставил
Он машины дорогой.

Как дядько с полей до дому
«Цоб-цобел!» с кнутом в руках,
Лейтенант к аэродрому
Подъезжает на волах.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Действующая армия.

К делу приставленный

П ОДВЁЛ меня как-то командир к карте, показал местечко одно голубенькое и говорит:

— Читайте, товарищ Жилкин.

— «Мёртвое болото», — прочел я.

— Правильно, — подтвердил лейтенант. — Только не может оно для нас оставаться мёртвым и неизвестным. Поручаю вам хорошенько разведать его. Возьмите двух бойцов и отправляйтесь.

Пошли мы. Дороги, прямо сказать, никакой. Где с кочки на кочку, где по колёно в воде.

К вечеру места посуше пошли. Выбрались мы к ручейку, обмылись, закусили немного и двинулись дальше. Наткнулись на тропку. Свежие следы человека на ней обнаружили. «Вот тебе, — думаю, — и мёртвое болото!» Идём мы очень осмотрительно. Выбрались к островку. Мосточек из жердей на него проложен. Оставил я ребят своих на этой стороне, а сам осторожненько на островок переправился. Увидел в кустах шалашик, а возле него человека. Сидит он на пенёчке и что-то делает.

Остановился я, присматриваюсь к нему и вдруг слышу, ко мне идут. Я шагнул с тропки в сторонку, да и оступился в трясину. По коленям завяз и чувствую, что глубже меня затягивает. Кое-как удалось мне задеть штыком за бугорок, стал выскрапываться, а кто-то и говорит надо мной:

— Не торопись, мил-человек. Отвечай: кто ты есть?

Поднимаю я голову и вижу старика. Дряхлый он предрахлаый, а тычет в меня немецким автоматом.

— Своих не узнал, папаша? — отвечаю я ему.

— Наши все дома. Говори, кто таков есть, не то враз тебя!..

Он слегка поводит автоматом перед своим носом. Глаза его из-под жёлтых лохматых бровей злыми точками виднеются. Понял я, что не шутит он. Пришлось назваться. Сомневается дед в моих словах.

— Посиди, — говорит, — как есть, я сейчас проверю.

Свистнул он по-птичье, и вскоре другой старик появился. Этот помоложе первого был, бодрее на вид, да и волос седых на нём меньше. Послал его старший познакомиться с моими ребятами. Ушёл он.

Сидеть мне в болоте очень даже неприятно, и говорю я своему часовому:

— Пора вылезать, потому вредны мне могут быть долгие прыжевые ванны.

— Ничего, — спокойно отвечает он, — своё ревматизму вылечишь.

На моё счастье, вскоре пришёл второй дед с моими товарищами. По-хорошему обернулось дело. Вылез я, очищаясь от грязи, а старик мой и говорит:

— Забирайте его ребята к себе. Надоело им с ним канительиться.

— Да кого забирать, папаша?

— Да вот этого, — указал он на человека возле шалашика. — Полковник немецкий. Наши партизаны сбили здесь самолёт ихний, все немцы погибли, а этот живой вылез. Хотел его наш командир переправить в Красную Армию, да не успел: получил приказ уйти в далёкий тыл немецкий на срочное задание. Ушли все, а меня с Митричем да с мальчонкой Петькой оставили сторожить немца. Прошу вас, ребятки: отведите его.

— Это мы сделаем с большой охотой, — отвечаю я, — ежели есть какие документы в подтверждение, значит.

— А как же! И документы, и карты, и пистолет его — всё в полной исправности. В момент доставлю, — заторопился обрадованный дед.

— Да ты не спеши, папаша, — успокаиваю я его, — скажи лучше, чем это он у тебя занят.

— Полковник? Да лапти плетёт. К делу я его приставил. Сначала не хотел он и в руки лько брать, ломался. Но у меня серьёзно. Два дня не давал я ему лепёшек и картошки, на третий принялся он за работу. Только, гляжу, портит он материал, без внимания к делу относится, балует. Опять два дня без еды его продержал. Ничего, обывк. Гляди, какие лапти делает.

Дед задрал ногу и с гордостью показал мне свою обувь. Лапоть на нём был отменный.

— Пар тридцать уже сделал, — хвалялся дед. — Ты, парень, не думай, что это пустяк: он теперь к делу приставленный, где хошь работать будет. А ежели начнёт дурака валять, так ты его без лепёшек оставь. Это хорошо на немца действует.

Старик нам все прошки показал, чтоб нам снова не пришлось купаться. Затем отдал всё, что полковнику принадлежало, и расписочку потребовал.

Оформили мы всё как следует и повели полковника в штаб.

А старик ещё вдогонку сказал:

— Ты обязательно скажи начальству, что этот немецкий полковник уже научился лапти плести.

А. ИОЛТУХОВСКИЙ

— Граждане! Всё в порядке! Вода скоро оттаёт!

Карета прошлого

ДВА года назад в мировой литературе произошло событие, сильно взволновавшее моего друга Сергея Сыроежкина.

Это тем более становится понятным, если принять во внимание, что виновником сего торжества был сам Сергей Сыроежкин... Дело в том, что мой друг написал рассказ под названием «Карета прошлого».

Надо вам знать, что Сыроежкин до той поры относился с уважением к изящной словесности и никогда не сочинял рассказов. Мы с ним работали в одной газете. Серёжа был тихий, скромный парень. Он писал заметки и корреспонденции, такие же тихие и скромные, как он сам. Он был честный работник, и о нём говорили, что хотя он звёзд с неба не хватает, но зато и цифр с потолка не берёт.

Но как-то раз в редакции кто-то (до сих пор не удалось установить, кто именно) пустил непроверенный слух, что Сыроежкин растёт. Причиной этому послужило то, что в одной его корреспонденции по недосмотру редакции вкралась такая ультрапоэтическая фраза:

«Пестрокрылый петух, гордо размахивая крыльями, приветствовал песней зарю восходящего солнца. Колхозник Иван Ерофеев взглянул на небо и промолвил: «Быть дождю...»

Кто-то по наивности своей почёл, что эта фраза и есть воплеск художественной воли, и что Сыроежкин поднялся до Тургенева, и если он ещё не вскарабкался на Олимп, то, по крайней мере, очутился у подножья этой сильно укрепленной высоты.

Вскоре после этого Сыроежкина как растущего товарища отторгли от деревенских петухов и прикрепили к ширпотребу, полагая, что в том и другом он смыслит одинаково.

Сыроежкин писал:

«Точно пестрокрылая птица, Маруся Расцветаева гордо размахивала руками, стоя у станка, одной ногой нажимая на станок, другой ногой приветствуя зарю восходящего солнца, выполняя 172 процента дневного задания».

В этот критический период жизни Сыроежкина он и написал рассказ «Карета прошлого». И надо отдать Сыроежкину справедливость: он хорошо, вдумчиво поработал. И рассказ получился неплохой.

Неплохой рассказ. Мы поздравляли Серёжу с удачей. Но на редакционной лепушке один сверхзасторженный товарищ сказал:

— Это шедевр!

Сия вылазка не осталась без следа. Сыроежкин, как человек тихий и скромный, не спорил. Более того: он поверил. Как говорится в старой русской поговорке: «Падок соловей на тараканов, а человек — на лживые слова».

И с той поры он засел в своей карете и оттуда по сей день ни ногой. Карета заслонила ему весь горизонт. «Ревёт ли зверь в лесу глухом, поёт ли дева за холмом», — до всего этого ему нет никакого дела: Сыроежкин в карете.

Тем более что вокруг его кареты, как из ведра, лил тёплый дождь лести, который размывает все дороги, ведущие вдалеку. Семнадцать издательств выпустили отдельными изданиями рассказ Сыроежкина. А Сыроежкин, добавляя каждую неделю по одной странице в колоннцу, расширил свою карету до размеров грузового автобуса.

«Бывало, он ещё в постеле, к нему записочки летят...» Его извещают о том, что в секции прозаиков состоится в субботу доклад на тему «От «Гарантаса» В. Солюгуба через «Кольяску» Н. Гоголя к «Карете» С. Сыроежкина». Его приглашают в клуб пишевиков на дегустацию соевых бобов. Банно-прачечный прест просит его пожаловать на пробу новой бани в районе Плюшкихи.

В дни войны Сыроежкин не остался «в стороне». Он стал писать очерки. Вот какие:

«С полковником Воробьёвым я познакомился на передовых позициях в самый разгар боя.

Мы стояли в ложнине. Солнце взойшло над балкой, и его косые лучи, точно острые штыки, вклинились в передний край обороны.

Кругом стояла тишина, пел воробей. И, как метко выразился один поэт-фронтовик, «Он пел о блаженстве безгрешных миров».

Полковник Воробьёв спокойно поднёс бинокль к своим голубым глазам и долго смотрел вдалеку, где из утреннего тумана вставали очертания накатов и брустверов.

«Какое хорошее, сильное лицо! Это лицо старого полковника пронёс через Колчака, через годы мирного строительства, а затем мимо Халхин-Гола до самого Можайска.

Лёгкий ветер пронёсся по кустам, блиндажам и тяжёлым артиллерийским орудиям. Полковник задумчиво оторвал бинокль от своих синих глаз, качнулся, глянул на меня, улыбнулся. Это была та мужественная, суровая улыбка, которая в своё время сопровождала Суворова во всех его походах.

— Доброе утро, Иван Николаевич! — сказал я полковнику.

Кругом была тишина. Молчала ложнина. Молчала балка. Молчал полковник.

Я понял, почему он мне ничего не ответил. Я понял, что в этот напряжённый момент старый полковник вспоминал своё далёкое детство.

Далёкое, неприглядное детство! Он рано остался круглым сиротой. Маленький Ваня, не подозревая, что станет полковником, жил у безлошадной бабушки Маланы. Это было в глухом населённом пункте Н. Босиком он бегал купаться в соседний водный рубеж. Выкупавшись, он пас скот и, пустив в ход все огневые средства, разжигал костёр, на котором любил печь картофель. Вот тогда-то в нём выработалось то упорство, которое сейчас гремит по всему участку нашего фронта. Так, в огне, куются сильные характеры!..»

Так пишет Сыроежкин, нашумевший автор рассказа о карете.

И никто ему не скажет честно, открыто:

— В карете прошлого далеко не уедешь.

Г. РЫКЛИН

24

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ
20 ЯНВ 1943
Взнос На Почту Получены

Период и серия	„Лит реда“	
П. д. у. ч. в р. з.		
	24/7	

154-

ТОЧНЫЙ ОТВЕТ

Рис. В. Гопляев

— Как дела, генерал, на среднем Дону?
 — Ниже среднего... течения Дона.

Гопляев